

на тех филиалах, где по инициативе японской стороны были созданы рабочие советы (для аккумуляции претензий и пожеланий со стороны рабочих), основная часть вопросов, поднимаемых на их переговорах с менеджментом, касается бытовой стороны (например, перестройки рекреаций или столовых), но не условий труда¹⁸.

Гораздо лучше обстоят дела в области трудовых отношений на автомобилестроительных заводах, где основной костяк рабочей силы составляют мужчины, обладающие достаточно высоким уровнем квалификации. Как отмечалось выше, для их удержания японский менеджмент использует систему стимулирования, близкую к японской. Поэтому показатели аппликативности элементов группы 5 здесь гораздо выше, чем на других филиалах. При средней по группе оценке 3,8 балла, 18-й элемент – Характер занятости – получил здесь 4,0 балла, а 19-й элемент – Гармоничность трудовых отношений – 4, 5 балла¹⁹.

Наконец, еще одной чертой китайских филиалов является крайне незначительная доля японцев среди управленцев и специалистов. Это связано с тем, что большинство филиалов созданы в форме совместных предприятий, а также с тем, что с учетом специфики местной среды японцы предпочитают полагаться на местные кадры (тем более, что среди них есть немало тех, кто учился в Японии и владеет японским языком).

* * *

Таким образом, вопреки ожиданиям, что культурно-историческая близость Восточной Азии к Японии облегчит задачу внедрения японской системы организации и управления производством на местных филиалах, оказалось, что в целом результаты усилий японских компаний примерно соответствуют результатам, полученным ими и в других регионах мира. Хотя анализ показал, что в некоторых азиатских странах культурно-историческая близость позволила японским компаниям в использовании ряда элементов своей системы продвинуться дальше, чем в других регионах, это сказалось главным образом лишь на особенностях конфигурации азиатских гибридов. Что же касается результирующих показателей, то их соответствие показателям по другим странам и регионам наглядно подтверждает положение о том, что в силу тесной взаимосвязи между всеми элементами японской системы достижения во внедрении одних из них не слишком сказываются на общей результативности, поскольку «гасятся» недостаточной степенью внедрения других элементов.

18 Там же, с. 151–153.

19 Japanese Hybrid Factories, p. 135.

Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию (ОПР) в 1980–2000-х годах

Е. Б. Ковригин

Первые шаги Японии в качестве донора «официальной помощи развитию» (ОПР) относятся к 1950-м годам, когда она стала играть роль дополнения к послевоенным репарациям жертвам японской агрессии в Тихоокеанской войне. В 1960-х годах ее размеры непрерывно возрастали, и уже начиная с 1970-х годов, льготные («иеновые», или низкопроцентные) займы и гранты (дары) из Токио превратились в важный источник международного экономического динамизма, в первую очередь в развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Постепенно весь мир как-то привык к мысли о том, что понятия «Япония» и «официальная помощь развитию» тесно связаны между собой, почти не разделимы. Экономическое сотрудничество (как в Японии нередко называют помощь) стало своего рода визитной карточкой страны.

В 1990-х годах, когда западные державы-доноры охватила так называемая «усталость от помощи» (aid fatigue), Япония сопротивлялась этой негативной тенденции дольше других стран. Тем не менее, разочарование в льготных трансфертах развивающемуся миру, в особенности в займах Китаю, в конце концов достигло и Японию. В 1997 г. кабинет министров принял базовое решение, согласно которому в дальнейшем программы помощи должны концентрироваться не на ежегодном количественном росте ассигнований, но на их эффективности¹. Правда, экстренная необходимость спасения стран Тихоокеанской Азии от финансовой катастрофы в ходе кризиса 1998–1999 годов временно приостановила запланированное снижение расходов, но главную тенденцию остановить было невозможно. Начиная с 2000 г., совокупные объемы японской ОПР стали сокращаться из года в год, пока Япония не откатилась в 2009 г. на малопrestiжное пятое место среди мировых доноров помощи.

По официальным данным, за 56 лет со времени присоединения Японии к пулу государств-доноров в 1954 г. и по 2010 г., 189 суверенных стран и зависимых территорий в то или иное время входили в число бенефициариев японских льготных кредитов и грантов². Не будет

¹ Fifty years of Japan's ODA. Tokyo, 2005, p. 10.

² Не затронутыми ими оказались лишь Северная Корея и несколько мелких островных образований, таких как острова Туркс и Кайкос, Сент-Пьер и Микелон и т. д. (Japan's ODA White Paper 2010. Tokyo, 2011, p. 160).

преувеличением сказать, что японская ОНР принадлежит к числу важнейших феноменов современной истории.

На фоне других реципиентов поистине уникальное место в течение почти трети века занимала Китайская Народная Республика. Характерно, что вопреки собственным японским принципам планирования и оказания помощи, многомиллиардные суммы текли из демократической и неядерной Японии в страну с полярно противоположным общественно-политическим строем, более того, в страну, обладающую ядерным оружием и проводящую его испытания.

Приведём несколько наглядных цифр. В течение 30 лет (1979–2008 гг.) часто сменявшиеся японские правительства перевели в Пекин около 45 млрд. долл. (включая 40,5 млрд. в виде долгосрочных займов и 4,5 млрд. в виде грантов). Общая сумма потока льготных средств из Токио в Китай составила примерно 1/5 всей кумулятивной помощи развивающемуся миру за пятидесятилетнюю историю японской ОНР.

Если взять весь объем помощи Китаю со стороны развитых государств – членов Комитета помощи развитию (КПР при ОЭСР) за 100%, то в среднем около 60%, а порой и почти до 70% агрегатной суммы приходилось на Японию (см. табл.1); второй по важности донор – Германия обеспечивала лишь около 15, максимум 20 процентов. В среднем, более

Табл.1. Показатели двусторонней японской помощи КНР

Финансовые годы	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Объем японской помощи в млн. долл.	673,7	832,2	723,0	585,3	1050,8	1350,8	1479,4
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	56,3%	55,6%	47,8%	46,7%	50,6%	60,3%	61,8%
Финансовые годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Объем японской помощи в млн. долл.	1380,2	861,7	576,9	1158,2	1226,0	769,2	686,1
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	54,5%	51,6%	46,5%	66,6%	68,4%	60,3%	61,8%
Финансовые годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Объем японской помощи в млн. долл.	828,7	759,7	964,7	1064,3	569,4	435,6	—
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	68,4%	61,3%	60,8%	63,8%	49,4%	49,4%	—

Источники: Japan's International Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, Tokyo, various years; *Katada, Saori*, Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA policy to China, p. 61.

60% иностранных студентов и стажеров, обучавшихся в Японии по линии технического сотрудничества за счет ее правительства, составляла китайская молодежь.

В данной статье автор ставит своей целью проследить взаимосвязь между зигзагами двусторонних политических взаимоотношений и динамикой японской помощи Пекину. Это первая в российской научной литературе публикация по поводу такого важного инструмента японской экономической политики³. Основным материалом для анализа послужили японская пресса за последние 30 с лишним лет, исследования японских, европейских, североамериканских и австралийских ученых, ряд бесед с теоретиками и практиками японской помощи. Период, который покрывается данной статьёй (1979–2008 годы), можно разделить на три этапа: (1) энтузиазм и эйфория среди деловых кругов и населения; (2) фаза относительно стабильного инерционного развития; (3) разочарование политическими результатами оказания помощи Китаю, урезание и фактическое завершение почти всех программ. Акцент в статье сделан на узловых, знаковых моментах двусторонних отношений в русле темы исследования.

Пекин и Токио, по словам российского ученого В. Михеева, «отталкиваясь от своих экономических успехов и возможностей, параллельно и одновременно ищут возможности повышения собственной значимости в глобальной и региональной политике, стремясь иметь право влиять на формирование новой архитектуры международной безопасности и соразвития мира»⁴. Это полностью применимо к длительному экономическому сотрудничеству между двумя странами, которое было отнюдь не бесконфликтным процессом. Рассмотренные в статье коллизии на почве помощи обычно происходили вследствие разницы в ее восприятии обоими партнерами. Со стороны Японии она диктовалась разнородными факторами, о которых будет сказано ниже. Китай же прежде всего считал её заменой военных репараций: следовательно с его точки зрения, Япония, раз начав предоставлять займы и гранты Китаю, не имела права (1) их приостанавливать и (2) оказывать политическое давление на Китай⁵. По мнению автора, Япония столкнулась с большими, почти непреодолимыми трудностями в попытках приобрести влияние и улучшить свой имидж путем экономической помощи в соседней державе. С другой стороны, крупные многолетние трансферты японского правительства внесли несомненный положительный вклад в

³ Не считая ряда предыдущих статей самого автора, а также краткого обращения к данной тематике Д. В. Стрельцова в учебном пособии для студентов.

⁴ *Михеев В. В.*, Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 4, с. 50.

⁵ *Rozman, Gilbert*, China's changing images of Japan, 1989–2001: The struggle to balance partnership and rivalry // *International Relations of the Asia-Pacific*, 2002, № 1, с. 108.

международную стабильность в регионе – за счет политики «вовлечения» Китая.

Проблема японских военных репараций Китаю

Японская помощь ведёт своё происхождение от послевоенных репарационных платежей, которые начались в 1950-х годах и которые Япония обязана была выплачивать нациям Тихоокеанской Азии, пострадавшим от ее агрессии. Почти все эти государства тогда только что обрели независимость и почти все из них впоследствии вошли в состав Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 1960–1970-х годах супер-фаворитом по линии экономического сотрудничества среди них оказалась Индонезия, наиболее населенное государство ЮВА, управляемое брутальным режимом Сухарто. Вместе с тем, Китай, будучи главной жертвой Тихоокеанской войны, не мог воспользоваться японскими фондами, пока не восстановятся дипломатические отношения между Токио и Пекином.

Справедливости ради надо сказать, что существовало еще одно китайское государство – Тайвань (или Республика Китай), которое вполне могло бы претендовать на возмещение Японией военного ущерба. Именно Тайвань до начала 1970-х гг. официально представлял интересы китайского народа и в ООН и в Японии. С моральной стороны, Тайвань мог бы требовать репараций со стороны Японии даже с большим основанием, чем другие территории Тихоокеанской Азии, ибо он находился под японской оккупацией намного дольше чем они, а именно половину столетия (1895–1945 гг.). Мирный договор между Японией и Тайванем был подписан 28 апреля 1952 г. Однако тайваньский верховный лидер Чан Кайши в тот момент публично отказался от финансовых претензий к бывшей метрополии. По мнению американского ученого К. Пайла, это решение было, скорее всего, результатом давления со стороны США⁶. Сам Чан Кайши вспоминал в своих мемуарах, что Япония находилась в столь плачевном состоянии, что, принимая во внимание внешние «красные империалистические силы», намеревавшиеся захватить Японию, любые требования со стороны Тайваня, направленные на ослабление Японии, были бы контрпродуктивны⁷. В разгар быстро набравшей обороты холодной войны США, действительно, были меньше всего заинтересованы в ослаблении Японии, а подконтрольный им Тайвань не мог противиться американской воле, даже если ему очень хотелось получить материальную компенсацию от Японии.

В 1972 г. на переговорах о нормализации китайское коммунистическое руководство заявило о намерении возобновить отношения с Японией

«с чистого листа». Чтобы закрепить свой новый подход, Мао Цзэдун широким жестом отказался от финансовых претензий к Японии, заявив, что только военщина виновата в трагедии Китая в 1930–1940-е годы. По-видимому, на решение китайского руководства повлиял предыдущий отказ Тайваня от репараций: ему не хотелось выглядеть менее «щедрым», чем Чан Кайши. Так или иначе, на тот момент доброжелательность Мао оказалась благом для Японии, поскольку в принципе Китай мог выставить астрономический счет за массовые разрушения и за гибель более десяти миллионов китайцев от рук японских военных тем более, что тогдашний премьер-министр Какуэй Танака сам официально признал ответственность Японии за военные «грехи». Размеры китайских финансовых требований к Японии могли быть настолько велики, что серьезно ослабили бы её экономику.

Политически решение китайского руководства «начать с чистого листа» представлялось вполне разумным: оно помогло разорвать официальные связи между Японией и «мятежной» китайской провинцией Тайвань и облегчить признание КНР Японией в качестве легитимного члена международного порядка⁸. Конечно, изоляция Тайваня в то время была важнейшим приоритетом, но в глубине души китайское общество так и не смогло примириться с решением Мао Цзэдуна отказаться от компенсации за ущерб, причиненный японскими милитаристами. Позже новый верховный лидер Дэн Сяопин открыто назвал решение своего предшественника грубой ошибкой.

Таким образом, проблема возмещения материального и людского ущерба, понесенного Китаем в 1930–1940-х годах, продолжала висеть в воздухе. При этом крупная официальная помощь развитию практически была единственной подходящей формой компенсации. Однако, до прихода к власти Дэна по идеологическим соображениям государственные займы или субсидии (не говоря уже о частных инвестициях) от капиталистических стран были официально запрещены, считаясь унижением для социалистического государства. Перемен пришлось ждать до 1978 г. когда был подписан «Китайско-японский договор о мире и дружбе» и когда великий реформатор Дэн Сяопин отказался от пресловутой политики самоизоляции. Более того, во время своего первого визита в Токио в октябре 1978 г. он практически открыто потребовал возмещения ущерба от бывшей державы-агрессора. Японское руководство, со своей стороны, тоже явно понимало необходимость существенной материальной поддержки прагматикам, которые пришли к власти в соседнем государстве.

В декабре 1979 г. премьер-министр М. Охиро в рамках так называемой «дипломатии подарков» (*олияги гайко*) предложил Китаю пакет низкопроцентных займов в размере 330 млрд. иен (около 1,4 млрд. долл.)

⁸ <http://www.easttime.ru>. (17 мая 2009 г).

⁶ Pyle, Kenneth, Japan Rising: The emergence of Japanese power and purpose. New York, 2007, p. 324.

⁷ Там же.

для выполнения очередного китайского пятилетнего плана (1979–1983 гг.)⁹. Характерно, что ни в каких официальных документах связь между несостоявшимися репарациями и начавшейся ОПР не упоминалась. Тем не менее, всеми молчаливо понималось, что эта и последующие программы являлись именно суррогатом (заменителем) репараций. Некоторые обозреватели, например, Г. Кларк из Международного университета Акиты, идут дальше и объявляют японскую помощь Китаю «дешевым способом избежать выплаты реальных репараций»¹⁰.

Особняком стоит вопрос об источниках финансирования помощи Китаю. Среди противников таковой часто звучали упреки правительству в том, что в Китае неразумно расходуются «деньги японских налогоплательщиков». Это расхожее объяснение справедливо лишь отчасти и носит в основном популистский характер. На самом деле, основная часть ОПР ассигновывалась не из госбюджета (т. е. не из налогов), как считают многие, а из специальной Программы финансовых инвестиций и кредитов (Fiscal investment and loans program), а источником фондов для этой программы являлись почтово-сберегательные кассы, в которых аккумулируются сбережения населения¹¹. Таким образом, размер налогового бремени, которое нес японский народ ради поддержки Китая, не следует преувеличивать.

Формирование модели экономического сотрудничества с Китаем

На ранней стадии (и даже гораздо дольше) в Японии количество сторонников помощи Китаю значительно превышало число ее противников. Некоторые исследователи, например С. Катада и Д. Тринидад, утверждают, что в целом предоставление японских финансовых субсидий с самого начала определялось двумя независимыми подходами, первый из которых можно приблизительно назвать «геоэкономическим», а второй «гуманитарным»¹². В принципе соглашаясь с ними, хотелось бы добавить, что применительно к Китаю существовало даже не два, а три дискурса.

Первое. Среди широких кругов японского населения поддержка ОПР Китаю реально основывалась на гуманитарном подходе, другими словами вытекала из моральных обязательств по отношению к бывшей

жертве агрессии. Чувство вины за жестокости в Китае в 1930–1940-х годах обострялось тем, что с незапамятных времен Срединная империя была главным источником искусства, культуры и религии для японцев. Военные интервенции в страну, которая в сущности породила японскую цивилизацию, всерьез воспринимались японскими массами как грубая несправедливость, подлежащая щедрой компенсации.

В то же время финансовое содействие Китаю никогда не было простой благотворительностью; напротив, к нему применимо определение американского политолога помощи как инвестиций, причем инвестиций особой важности¹³. С экономической точки зрения, ОПР была предназначена играть роль «смазки» при продвижении и защите японских разнообразных интересов¹⁴. Огромные новые деловые возможности лежали буквально за дверью – через Восточно-Китайское море. Главной задачей японского делового сообщества стало «новое открытие» Китая. Щедрые трансферты в Китай могли стать основой для превращения его в ведущую экономическую базу за рубежом, как оно и было долгое время до конца Второй мировой войны. Помимо прямого доступа к китайским торговым и инвестиционным рынкам, японские корпорации ожидали двойной выгоды от государственной поддержки великого западного соседа. Во-первых, предполагалось, что финансовые инъекции из Токио смогут помочь модернизировать архаичную инфраструктуру Китая до уровня, приемлемого для крупномасштабных частных инвестиций японских ТНК¹⁵. Во-вторых, японские компании надеялись на получение крупных прибылей от выполнения роли подрядчиков во время возведения многочисленных инфраструктурных проектов в Китае.

Два приведенных выше подхода обычно ассоциируются соответственно с Министерством иностранных дел (гуманитарный подход во имя улучшения имиджа Японии) и Министерством экономики, торговли и промышленности (МЭТП, до начала 21-го столетия МВТП), которое поддерживало меркантилистский дискурс ОПР.

Между тем имела еще одна группа причин в пользу помощи Китаю, причин, которые можно условно назвать политико-стратегическими. С политической стороны, ожидалось (как в Японии, так и на Западе), что мощная японская поддержка реформистского Китая обеспечит превращение его в «нормального» члена глобальной экономической системы,

⁹ Hook, Glenn et. al. (eds.) Japan's international relations: Politics, economics and security. London and New York, 2005, p. 194.

¹⁰ The Japan Times, 30.05. 2005.

¹¹ Katada Saori, Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA to China in Leheny. David and Warren, Key (eds.) Japanese aid and construction of global development: Inescapable solutions, London, 2012, p. 71. Почтово-сберегательные кассы, популярные среди японского населения, по сути дела представляют собой крупнейший банк как Японии, так и всего мира.

¹² See Katada, Saori, Japan's two-track approach: The forces behind competing trends, Asian Survey, vol.42, no.2, 2002; Trinidad, Dennis, Japan's ODA at the crossroads: Disbursement patterns of Japan's development assistance to Southeast Asia, Asian Perspective, vol.31, no.2, 2007.

¹³ Naisbitt, John, Megatrends Asia: The eight Asian megatrends that are changing the world. London, 1995, p. 7.

¹⁴ Масштабный американский японовед Д. Хэллманн выражается еще прямее, весьма неpolitкорректно называя японскую помощь «международными взятками». См. Helmann, Donald, The United States, ODA and infrastructure development of APEC countries in Ariff, Mohamed (ed.), APEC and development cooperation. – Singapore, 1998, p. 44.

¹⁵ Стрельцов Д. В. Официальная помощь развитию – важнейший фактор внешней политики Японии // Внешняя политика Японии: история и современность, 2008, с. 260.

который проводил бы мирную и предсказуемую внешнюю политику. В этой связи, японские политики понимали, что в не столь отдаленном будущем Китай превратится в основного конкурента в Тихоокеанской Азии, вследствие чего поддержание сбалансированных, гладких отношений с ним стало важнейшим приоритетом. В литературе за этим дискурсом закрепился термин «ингейджмент» (примерно соответствует русскому слову «вовлечение» и предполагает задабривание партнеров во избежание неприятных «сюрпризов»).

Таким образом, в конце 1970-х и начале 1980-х годов вместе переплелись три группы мотивов для предоставления помощи Китаю – гуманитарные, геоэкономические и политико-стратегические. Япония выбрала Китайскую Народную Республику в качестве нового фаворита – в дополнение к странам-членам АСЕАН. Строго говоря, на заре переходного периода Китаю невозможно было опереться на какую-либо другую державу. США не могли быть донором ОПР по юридическим причинам, поскольку оказание помощи коммунистическим странам было издавна запрещено специальным актом Конгресса¹⁶.

Разумеется, исключено было финансово-техническое содействие со стороны враждебного тогда Советского Союза. Поэтому Япония вряд ли ожидала существенной международной конкуренции за будущие дивиденды от ее «особых отношений» с Китаем.

Следует отметить, что превращение Китая в крупнейшего реципиента льготных фондов из Токио, было болезненно воспринято нациями АСЕАН, которые опасались, что Китай может проглотить существенный «кусочек пирога» от японской помощи, на который они могли рассчитывать. Премьер-министр Охира, стремясь избежать трений с государствами ЮВА, счел необходимым лишний раз подчеркнуть важность существующих отношений с АСЕАН¹⁷. В частности, он пообещал, что объем помощи, направляемой на нужды Китая, никогда не превысит суммы, отпускаемые ведущему реципиенту из стран АСЕАН, другими словами, Индонезии. Однако, вскоре Охира ушел из жизни, и его обещания тихо забыли. В течение двух лет КНР отодвинула Индонезию на второе место и на десятилетия стала бенефициарием номер один, потребляя ежегодно более 10 % льготных правительственных фондов, текущих из Токио.

На старте японо-китайского сближения бизнес-сообщество Японии было очень увлечено инвестиционными возможностями в соседней державе. На фоне радикальных экономических реформ Дэн Сяопина японские фирмы подписали десятки контрактов с китайскими органами. Китайская сторона тоже возлагала большие надежды на эти инвестици-

онные сделки. В Пекине очень рассчитывали на то, что приток частного капитала из технологически продвинутой Японии сыграет ведущую роль в модернизации китайской экономики, долгое время варившейся в собственном соку. Однако, когда дело дошло до стадии реализации проектов, оказалось, что Китай явно не подготовлен для крупномасштабных инвестиций по ряду причин – из-за той же устарелой инфраструктуры, укоренившейся коррупции, бюрократической волокиты и просто из-за разницы в менталитетах. При этом само китайское правительство, как пишет Р. Дрифте, осознало, что на данном этапе «перестаралось» с заключением инвестиционных контрактов, будучи не в состоянии их переварить¹⁸. Ввиду нагромождения этих факторов один за другим начали расторгаться заключенные ранее сделки, включая контракт на возведение гигантского Баошаньского сталеплавильного комбината в районе Шанхая.

Таким образом, частные японские фирмы на данный период объективно оказались не в состоянии привести в экономику соседней державы капиталы и технологии, на которые прежде всего рассчитывал Китай. Ожидаемые японскими компаниями прибыли, а также перспективы японского присутствия в Китае оказались под угрозой. Для того, чтобы обеспечить это присутствие, японское правительство фактически вынуждено было взять на себя роль поставщика необходимых КНР ресурсов (которые затем по большей части перетекали в прибыли японских компаний-подрядчиков). Основной формой содействия Китаю стали японские иеновые займы, многократно превосходящие и финансовые гранты и техническое сотрудничество, вместе взятые.

Япония в целом – в отличие от западных государств-доноров – традиционно считала «мягкие» займы более адекватной формой помощи, чем прямые финансовые гранты. Такой подход основывался на ее собственном послевоенном опыте, на том, что именно займы от США и международных финансовых организаций помогли Японии восстановить свою экономику от послевоенной разрухи. Как отмечал шведский исследователь Б. Эрдстрём, «Япония предпочитает предоставлять займы, а не гранты, поскольку займы обеспечивают дисциплину страны-реципиента; такой формат был хорош для Японии, поэтому предполагается, что это должно быть хорошо и для других стран»¹⁹. С японской точки зрения, как, например, писал А. Нисигаки, который возглавлял Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-х годах, необходимость возвращать кредиты повышает чувство ответственности со стороны государств-реципиентов и побуждает их более

¹⁶ The U.S. Foreign Assistance Act (1961 г.)

¹⁷ *Iokibe, Makoto* (ed.), *The diplomatic history of postwar Japan*. London and New York, 2009, p. 132.

¹⁸ *Drifte, Reinhard*, *The ending of Japan's ODA loan programs to China – all is well that ends well?* – *Asia-Pacific Review*, 2006, т. 13, № 1, с. 96.

¹⁹ *Edström, Bert*, *Japan's ODA still going strong*, Policy Brief, 23.05.2012, № 95, с. 2.

эффективно и рачительно использовать внешние фонды, отбирая наиболее приоритетные проекты²⁰.

Не секрет, что из-за рубежа такая философия воспринималась скорее как апология займов в ущерб грантам, благодаря чему Япония с 1970-х годов приобрела репутацию «страны-спекулянта на помощи» (profiteer on aid). Однако, в китайском случае, по-видимому, дело не в «алчности» Японии. Модель сотрудничества была согласована с самим китайским руководством, и займы впоследствии исправно им погашались. По всей видимости, это было связано с желанием Пекина придать двусторонним отношениям более равноправный имидж – имидж кредитора и ответственного должника; Китай не настаивал на грантах, которые больше бы напоминали «милостыню». Абсолютное преобладание займов (которые предстояло возвращать) в японской помощи Китаю, на взгляд автора, не позволяет уподоблять ее военным репарациям; в крайнем случае, её возможно назвать квази-репарациями, а вернее суррогатом репараций.

В течение первого десятилетия львиная доля иенowych займов официально направлялась на обеспечение «устойчивого развития», другими словами, на возведение экономической и индустриальной инфраструктуры, в основном в сфере транспорта и коммуникаций. Без решающего участия японского правительства в десятках инфраструктурных проектов Китай просто не превратился бы в ведущего партнера Японии по линии долгосрочных инвестиций и внешней торговли. Дополнительным фактором в пользу участия в проектах в КНР являлась возможность изучать местную деловую среду, деловую культуру (вплоть до теневых связей на местах); говоря иными словами, ОПР мыслилась и как инструмент легальной разведки.

Упомянутое выше «гуманитарное» измерение в японской помощи Китаю проявилось многим позже, чем меркантилистские мотивы. Лишь к началу 1990-х годов диапазон японских программ в Китае расширился за счет направлений, связанных с насущными потребностями населения Китая, такими как доступ к чистой воде, улучшение санитарных условий, другие объекты социальной инфраструктуры. В 1990-х годах началось сотрудничество в области защиты окружающей среды, в котором Япония могла применить свой богатый накопленный опыт.

Аналитики часто отмечают уникальный характер японо-китайских отношений по линии помощи. В частности, Китай стал единственным из развивающихся государств, получающим займы и субсидии (гранты) на основе пятилетних планов помощи, а не на основе обычных соглашений, рассчитанных на год. Более того, эти планы коррелировались с

собственными китайскими пятилетними планами развития народного хозяйства. Другими словами, парадоксальным образом Япония, страна рыночной экономики, строила свои отношения с Китаем в соответствии с социалистическими принципами планирования. В общей сложности, целых четыре пятилетних плана помощи были реализованы с 1979 г. до конца 20 столетия, каждый из которых был намного больше по размерам предыдущего. Как уже говорилось, первый пакет, согласованный М. Охиром, охватывал 1979–1983 гг. и составлял около 1,4 млрд. долл. Вторая программа (подготовленная правительством Я. Накасонэ) была рассчитана на 1984–1989 гг. с объемом 2,1 млрд. Третий пакет (на 1990–1995 гг.) предусматривал выплату займов и грантов на сумму 5,4 млрд. долл. Наконец, четвертый, последний пакет (1996–2000 гг.) был разбит на две части (3 и 2 года соответственно), причем только по первому трехлетнему периоду выплаты должны были достигнуть 5,8 млрд. долл.

Важность этих программ подчеркивалась тем фактом, что они персонально представлялись премьер-министрами Японии руководителям Китая, минуя обычный бюрократический уровень протокола²¹. Примечательно, что формат пятилетних планов крайне затруднял какие-либо санкции Японии по линии помощи (например, ее приостановку) в случае нарушения Китаем условий Хартии помощи, а также мешал международной координации с западными донорами.

Несколько слов о стратегическом измерении японо-китайских отношений в аспекте ОПР. В конце 1970-х годов, в разгар возобновившейся «холодной войны» между СССР и США, американская дипломатия скоцентрировалась на стратегическом сотрудничестве с Китаем для того, чтобы противостоять советской военной мощи в Восточной Азии. Япония, будучи верным союзником Америки, пошла другим путем для «ингэйджмента» Китая, став ведущим донором экономической помощи и ассигнуя на эти цели много больше, чем все страны-члены Комитета помощи развитию, вместе взятые. Предполагалось, что, будучи крупным должником Японии (играющей роль «представителя» западных индустриальных стран), КНР будет проводить более предсказуемую и миролюбивую внешнюю политику.

С западной точки зрения превращение Японии в почти монопольного донора помощи Китаю имело как положительные, так и отрицательные стороны. С позитивной стороны, оно играло на руку США и их союзникам, поскольку помогало в разгар холодной войны и американо-китайского сближения переложить финансовое бремя на Японию. В то же время частные западные корпорации имели основания опасаться, что реализация инфраструктурных и других проектов на китайской

²⁰ Nishigaki, Akira, A new phase in Japanese economic cooperation, Asia-Pacific Review, 2000, т. 7, №1, с. 59.

²¹ Soderberg, Marie (ed.), Chinese-Japanese relations in the 21st century. London and New York., 2002, p. 120.

территории японскими подрядчиками может лишить их (американские и европейские компании) ощутимых потенциальных прибылей. Осознавая эти опасения, премьер-министр Охиро в своих «Трёх принципах» (1979 г.) особо оговаривал, что помощь КНР будет оказываться в кооперации с США и другими развитыми странами, чтобы избежать подозрений в стремлении к монополизации китайских рынков. (Правда, координация с Западом впоследствии была затруднена особым, «пятилетним» форматом японского сотрудничества с КНР).

Китай как «своенравный» реципиент японской помощи

Экономически японская ОПР Китаю была необходимой предпосылкой стимулирования экспорта и долгосрочных инвестиций с японского архипелага, и судя по исключительно быстрому росту хозяйственных связей в 1980–2000-х годов эти издержки себя вполне оправдали. Всего через десять лет с начала реализации программ сотрудничества уже слышны были китайские обвинения (не без пропагандистского налёта) в адрес Японии в том, что она посредством ОПР смогла достигнуть таких экономических преимуществ в Китае, каких не могла приобрести посредством военной интервенции в 1930–1940-х годах²².

Однако, применительно к двусторонним политическим отношениям результаты оказались более противоречивыми, при этом Китай в большинстве случаев одерживал верх и переигрывал своего донора – Японию. С точки зрения китайского руководства внешней помощи, особенно со стороны Японии, отводилась роль вспомогательного, хотя и важного инструмента строительства социализма (с китайской спецификой), поэтому она не должна была навязывать иностранные ценности и интересы китайскому населению²³. Руководство Китая дало ясно понять, что в своей стране не допустит какого-либо контроля со стороны внешних сил. Как одну из важных мер оно установило правило, согласно которому доля иностранной помощи в издержках любого проекта не должна была достигать 50 процентов. Это означало, что все инфраструктурные и прочие проекты по большому счету будут контролироваться китайской стороной, а японский вклад не будет выглядеть заметным. Как писала исследовательница Марие Сёдерберг, «ни один проект не считается японским, хотя они участвуют во множестве проектов»²⁴.

Вряд ли японские кабинеты шли бы на уступки Китаю, если бы не считали их важным политическим условием для японской долгосрочной экономической безопасности. Тем не менее, со стороны их реакция оценивалась именно как уступки. Так, уже вскоре после инициации

первого пакета сотрудничества, в 1982 г. вспыхнул скандал по поводу предвзятого, неадекватного (с точки зрения Китая) изложения японо-китайской войны в японских школьных учебниках. Пекинские власти открыто обвинили Японию в возрождении милитаризма, что, конечно, было, в лучшем случае, натяжкой. Для того, чтобы потушить разгоревшиеся страсти, премьер Дз. Судзуки был вынужден срочно посетить китайскую столицу, где пообещал изменить содержание учебников, а также ... выделить новую финансовую помощь для развития китайской инфраструктуры²⁵.

Трагические события на площади Тяньаньмынь в 1989 г. (жестокое подавление демократически настроенных студентов в Пекине) стали следующим пробным камнем для японо-китайского экономического сотрудничества. Конечно, как союзник стран Запада, Япония обязана была проявить солидарность с ними и не могла вообще уклониться от санкций против режима в Пекине. Однако, эти санкции оказались кратковременными, ибо Япония явно не была заинтересована в прекращении субсидирования КНР. Сохранение внешне дружественных отношений и модернизация инфраструктуры Китая до уровня, приемлемого для японских инвестирующих компаний, оставались более высокими приоритетами для Японии, чем «порицание» Китаю. (Десятилетием позже – в 1999 г. – японское правительство схожим образом закрыло глаза на жестокое преследование китайскими властями спортивно-духовного движения Фалуьнгун).

Как отмечал исследователь из США Г. Розман, по мысли японского правительства, подавленное в 1989 г. про-демократическое движение в Китае не имело достаточной политической базы и поэтому его можно было проигнорировать при формулировании курса по отношению к Китаю²⁶. На саммите «большой семерки» в Хьюстоне, администрация Дж. Буша (старшего) отказалась от предыдущих возражений против японской поддержки Китая, приняв во внимание «особые отношения» между двумя дальневосточными нациями. В результате японские санкции длились недолго, и займы в рамках третьего пакета помощи были возобновлены уже в июле 1990 г.²⁷ Японское руководство явно ожидало какой-то благодарности со стороны Китая за прорыв международной изоляции, но просчиталось. Подконтрольные государству китайские СМИ по-прежнему замалчивали японский вклад в дело развития страны или подчеркивали его эгоистичный характер.

Впрочем, «тяньаньмыньский инцидент» (1989 г.) помог формированию институциональной базы японской ОПР. Дело в том, что до начала

²⁵ Hook, p. 194.

²⁶ Rozman, Gilbert, Northeast Asian stunted regionalism: Bilateral distrust in the shadow of globalization, 2004, p. 82.

²⁷ Yahuda, Michael, The international politics of the Asia-Pacific London and New York: Routledge, 2011, p. 324.

²² Tong, Xianguo. Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic aid? presented at the international conference on Japan's ODA to East Asian nations, Bangkok, 21–22 March, 1991, p. 3.

²³ Katada, 2012, p. 57.

²⁴ Soderberg, p. 119.

1990-х годов Япония не имела какого-либо базового документа для определения политико-экономических критериев «за» и «против» оказания помощи той или иной стране. Между тем, в японском обществе нарастали требования, чтобы правительство реагировало доступными методами на нарушения прав человека за рубежом. События на главной площади Пекина (а также американская «война в заливе» против Саддама Хусейна, который получал японские средства) подтолкнули Японию в 1992 г. к принятию так называемой «Хартии ОНР». Хартия, в частности, предписывала отсрочку или замораживание займов и грантов в странах, правительства которых допускают массовые нарушения прав человека. Правда, Хартия в дальнейшем не слишком строго соблюдалась японскими кабинетами министров, но по крайней мере она могла служить ориентиром при планировании ОНР (в 2003 г. она подверглась ревизии в сторону большей защиты собственно японских интересов при сотрудничестве с развивающимися странами).

Таким образом, Япония быстро свернула антикитайские санкции, введенные после событий в Пекине в июне 1989 г. Замечено, что у японской общественности гораздо большую нервозность, чем нарушение прав человека за границей, вызывает наращивание вооружений в странах-реципиентах, тем более ядерные испытания. КНР в 1995 г. дважды провела ядерные испытания на озере Лобнор (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Не прореагировать на такие экстраординарные события Япония не могла. Хотя у премьер-министра Хасимото Рютаро имелась репутация прокитайски настроенного политика, его кабинет для того, чтобы как-то выразить свою озабоченность, вынужден был приостановить выплату грантов (не займов!) Китаю на сумму 92 млн. долл. На фоне гигантских объемов экономических связей размеры замороженной безвозмездной помощи были микроскопическими, и такая санкция выглядела как символическая мера. Но даже и этот «булавочный укол» всерьез рассердил китайское руководство. На встрече с рядом японских политиков председатель КНР Цзян Цзэминь произнес такие слова: «люди с полным желудком никогда не поймут людей с пустым желудком»²⁸. Если Япония заморозила бы «святая святых» двусторонних связей – иеновые займы, китайская реакция была бы несомненно намного более острой. (Характерно, что когда тремя годами позже Индия и Пакистан провели испытания ядерного оружия, японский ответ был много жестче – и гранты и займы были заморожены на много лет вперед).

Высшее руководство Японии (Хасимото и предшествующий ему премьер-социалист Мураяма Томити) аргументировало свою слабую реакцию на китайские ядерные испытания тем, что замораживание

займов, главного компонента ОНР, «оставило бы глубокие шрамы» на двусторонних отношениях и помешало бы переходу Китая к рыночной экономике²⁹. Глава МИД Коно Ёхэй добавил к этому, что скрупулёзное следование Хартии ОНР лишило бы его правительство дипломатической гибкости³⁰. Китайские ядерные взрывы в следующем 1996 г. вообще не повлекли за собой каких-либо санкций (поскольку КНР пообещала воздерживаться от них в дальнейшем).

Помимо внешнеполитических соображений, несоразмерно мягкая реакция японских властей на ядерные испытания на Лобноре, по всей вероятности, отражала также экономические интересы. Как отмечает Лим Хуа Синг, японские фирмы мечтали участвовать в строительстве гидроэлектростанции «Три ущелья» на реке Янцзы, дамба которой обещала стать самой высокой в мире, а общая стоимость оценивалась в 60 млрд. иен. Однако, японские строительные компании могли надеяться на успех в тендере лишь в том случае, если японское правительство выделило бы займы Китаю на оплату их услуг. Несмотря на критику со стороны различных организаций в самой Японии, её правительство дало полное «добро» индустриальным компаниям на действия, связанные с ГЭС «Три ущелья»³¹.

Угасание и конец программ ОНР Пекину

В 1998 и 1999 годах в соответствии с предыдущими соглашениями (первая часть 4-го пакета помощи) китайскому правительству из Токио были перечислены очень крупные суммы, а именно 1 158 млн. и 1 226 млн. долл. Со стороны казалось, что помощь Пекину в принципе не может быть сокращена, будучи «священным ресурсом» японской дипломатии. Но уже в середине 1990-х годов британский исследователь Р. Дрифте проникательно предсказал грядущий спад эйфории по поводу Китая в Японии³². В самом деле, среди японского населения ощущалось беспокойство, связанное с китайскими программами военной модернизации, при которых ежегодный рост расходов на оборону выражался двузначными цифрами процентов. Ширилось мнение о том, что рост китайских военных расходов косвенно финансировался за счет средств, поступающих из Токио. Дополнительным фактором раздражения среди японцев стало приписываемое Китаю вмешательство во внутренние дела Японии. Среди нового поколения японцев также росло непонимание того, почему оно, не имеющее никакого отношения к японскому насилию в Китае во время войны, должно за него расплачиваться.

²⁹ *Nihon Keizai Shinbun*, 11.06.1996 г.

³⁰ *Drifte, Reinhard*, Japan's foreign policy in the 1990s:// From economic superpower to what power? Basingstoke, 1996, p. 125.

³¹ *Lim Hua Sing*, p. 222.

³² *Drifte* (1996), p. 112.

²⁸ *Lim Hua Sing*, Japan's role in Asia: Mutual development or ruthless competition? Singapore, 2003, p. 220.

В особенности японское общественное мнение было недовольно жесткими, недружественными заявлениями Председателя Цзян Цзэминя в ходе его официального визита в Японию в 1998 г. Цзян настойчиво требовал от Японии новых формальных извинений за военное прошлое и в то же время не произнес ни одного доброго слова относительно двух предыдущих десятилетий японской помощи. Его бескомпромиссные формулировки убеждали японцев в том, что Китай не ценит помощь из Токио и принимает ее как нечто должное³³. Китайский пример наглядно показал Японии, что в долгосрочной перспективе не следует быть уверенным в дружелюбии и благодарности со стороны наций-реципиентов.

В мае 2000 г. глава МИД Коно Ёхэй в первый раз предупредил своего китайского коллегу, что Япония может начать урезание программ *субсидирования* соседней державы. Вероятно, пекинские власти не смогли адекватно воспринять растущее раздражение в Японии. Как будто испытывая ее терпение, вскоре они позволили своим «исследовательским» судам несколько раз нарушить японскую эксклюзивную экономическую зону. Японские СМИ сочли китайские действия провокационными и еще более активно начали призывать правительство заканчивать с ежегодной и бесполезной перекачкой японских средств на инфраструктурные проекты на китайской территории. (Авторитетный журнал «Тью корон» в качестве негативного примера сравнил новый с иголки Пекинский аэропорт, построенный в основном на японские деньги, с меньшим по размеру и переполненным токийским аэропортом Нарита). Нарушения морских границ Японии китайскими кораблями привели к временному замораживанию целевого займа Китаю (на сумму 17,2 млрд. иен), предназначенного для модернизации железнодорожной сети вокруг Пекина и аэропорта в Сиане. Таковы были обстоятельства накануне официального визита премьер-министра Китая Чжу Жунцзи в Токио в октябре 2000 г.

В ходе этой поездки Чжу в несвойственной для китайских политиков манере высоко оценивал содействие со стороны Японии, открыто назвав его «важной помощью в развитии китайской экономики и строительстве китайского государства»³⁴. Международным обозревателям цель такого мягкого подхода была ясна: предотвратить ожидаемое сокращение льготных займов и грантов из Японии. Между тем, по стечению обстоятельств в 2000 г. китайский Пекин и японская Осака стали конкурентами при голосовании в МОК о выборе места проведения летней Олимпиады-2008; как известно, большинством голосов был выбран Пекин. Решающим аргументом при голосовании послужила более современная инфраструктура китайской столицы (новые или модерни-

зированные аэропорт, метрополитен, энергогенерирующие мощности, больницы и т. д.). Между тем, значительная часть этих сооружений была проспонсирована за счет японских займов. Тот факт, что Япония сама себе «подставила ножку», несомненно подлил масла в огонь недовольства Китаем в японском общественном мнении.

В конечном итоге Китаю все же удалось получить займы (около 17 млрд. иен) для транспортной инфраструктуры Пекина и Сианя. Однако, это было не главным. Основная цель поездки китайского премьера была более амбициозной: он пытался добиться от Японии многомиллиардных (в долларах) фондов для финансирования нового грандиозного проекта – освоения отсталых западных (внутренних) провинций Китая. Международная печать отмечала, что за этим проектом таились не только благие цели. Его реализация могла привести к насильственному переселению этнических меньшинств с мест, в которых они жили с незапамятных времен или к их ассимиляции с ханьским большинством. Исходя из этих соображений, Всемирный банк отклонил заявку Китая на финансовую поддержку, после чего ему пришлось обратиться к своему главному донору.

В ожидании вожделенных займов традиционно критическая оценка японской ОПР в Китае быстро (и искусственно) сменялась так называемой «дипломатией благодарностей». Невзирая на эту вербальную переоценку, японский премьер Мори Ёсиро без излишней дипломатии обратился к китайскому коллеге со словами: информируйте свой народ об огромном вкладе Японии в социально-экономическое развитие КНР, иначе я не смогу убедить свой народ, что стоит продолжать японскую помощь Китаю. Китайский гость вынужденно признал, что пекинское руководство в самом деле не сумело должным образом информировать соотечественников о реальных размерах японской помощи и пообещал предпринять усилия для исправления ошибок³⁵.

Для Японии прямо отвергнуть китайскую просьбу о содействии развитию бедных глубинных районов страны было бы нелегким выбором. Предыдущие обещания Японии фокусировались именно на помощи отсталым районам стран-реципиентов; китайская просьба была именно таким случаем. Правительство сформировало две группы экспертов для решения проблемы, первую в рамках Министерства иностранных дел, а вторую – из влиятельных членов правящей тогда ЛДП.

В результате работы этих двух команд Китай был лишен привилегии получать ОПР из Токио на основе 5-летних планов, т. е. уравниен со всеми другими развивающимися странами-реципиентами. Таким образом, японо-китайские отношения потеряли характер «особых» связей. В конце 2000 г. Кабинет министров также постановил, что отныне все будущие проекты, связанные с Китаем, будут одобряться только в тех

³³ Asahi Evening News, 25.10. 2000.

³⁴ Yahuda, p. 326.

³⁵ Асахи симбун, 09. 09.2000.

случаях, если они будут отвечать собственно японским приоритетам; программы, «неинтересные» для Японии, не будут поддерживаться на японские средства³⁶. Помимо этого, Япония потребовала, чтобы ее материальный вклад в инфраструктуру и социальные проекты перестал быть «анонимным» и был бы видимым для китайского населения. Очевидно, что на этом маятник японского фаворитизма явно качнулся в сторону от КНР.

Китайские руководители, привыкшие воспринимать льготные потоки из Токио как должное, сочли новую японскую парадигму неприемлемой. Они дали понять, что не намереваются терять контроль над займами из-за рубежа. Сложилась курьёзная ситуация: китайские органы начали отбирать из списка «интересных» для Японии предложений только те, которые отвечали китайским целям и интересам. Вследствие такой «двойной селекции» диапазон возможных инфраструктурных и прочих совместных проектов, естественно, сильно сузился, а это, в свою очередь, негативно сказалось на общем объеме помощи.

Между тем, примерно с середины 1990-х годов, среди японских элит начался важный процесс переосмысливания философии помощи развивающемуся миру. Трата денег на бесчисленные инфраструктурные проекты (*hakomono shien*) в Китае и в других странах стала по нарастающей вызывать критику в парламенте, СМИ и среди японских избирателей. Эту критику становилось всё труднее игнорировать. С другой стороны, японский кабинет нуждался в новой и впечатляющей международной инициативе для того, чтобы как-то поддержать блекнущий имидж Японии в мире. Уже в 1995 г. премьер-социалист Мураяма озвучил термин «человеческая безопасность» (“human security”) в качестве одной из целей японской ОНР и внешней политики в целом. В 1999 г. этот термин был многократно использован в «Голубой книге» внешнеполитического ведомства, а в 2003 г. «политика во имя безопасности человека» была официально закреплена в новой редакции «Хартии ОНР»³⁷. Это новшество продемонстрировало частичный отход от девелопментализма как основы японской экономической помощи.

Концепция «безопасности человека» в своей зрелой и целостной форме объединила концепции «свободы от нужды» и «свободы от страха». Если под «свободой от нужды» подразумевалось использование иностранной помощи для борьбы с нищетой, то «свобода от страха» включала в себя целый комплекс жгучих проблем, таких как разрушение окружающей среды, демографические проблемы, инфекционные болезни (в первую очередь СПИД), наркотрафик, организованная преступность, проблема беженцев, униженное положение женщины,

ликвидация наземных мин и т. д.³⁸ Предполагалось, что в развивающемся мире значительная часть японской помощи, адресуемая на эти цели, будет передаваться непосредственно через местные низовые («grassroots») организации. По формулировке А. Тринидада, «Заявители из низовых организаций получают фонды прямо от Японии, минуя посредничество своих центральных правительств. Заявители подают соответствующие формы в посольство Японии, и фонды передаются непосредственно им»³⁹.

Китайская «специфика» состояла в том, что руководство страны (за исключением, может быть, вопросов экологии) явно не было заинтересовано в допуске иностранцев, включая японцев, к решению внутренних социальных проблем. Еще менее оно было готово разрешать прямые связи между местными общинами и иностранными посольствами. КНР все еще ставила во главу угла инфраструктурные проекты и препятствовала японской помощи в сфере «безопасности человека», в особенности на низовом уровне. Такой подход входил в противоречие с новым японским мейнстримом.

Вскоре после переговоров Чжу и Мори в Токио один из влиятельнейших лидеров правящей в Японии партии Камэй Сидзука выступил с сенсационным предложением резко сократить объёмы японской помощи вообще и Китаю в особенности. Камэй объяснил свою позицию тем, что текущее спонсирование КНР противоречит изначальным целям японского экономического сотрудничества⁴⁰. Вероятно, его инициатива, помимо прочего, отражала раздражение японского бизнеса сокращающимися возможностями участвовать в китайских проектах в качестве подрядчиков. Последующие конфликты (новый спор вокруг японских учебников истории, приглашение бывшего тайваньского президента Ли Тэнхуя в Японию), а также взаимное введение импортных ограничений еще более подогрели недовольство японской общественности помощью КНР.

В январе 2002 г. новый кабинет министров под руководством Коидзуми Дзюнъитиро, не связанный теперь пятилетними соглашениями, объявил о решении снизить объем помощи Китаю на 25%. В списке ведущих реципиентов фондов из Токио КНР отошла на 3-е место (чего ранее никогда не бывало) вслед за Индонезией и Вьетнамом⁴¹. На этом этапе большинство японских граждан, по итогам опросов, потеряло любое доброжелательство по отношению к Китаю и было готово поддерживать только проекты, связанные с экологией и гуманитарной помощью. Опасные перспективы деградации окружающей среды в соседней державе

³⁶ Soderberg, p. 125.

³⁷ Kurusu, Kaoru. Japan as an active agent for global norms; The political dynamism behind the acceptance and promotion of human security // Asia-Pacific Review, том.18, №2, 2011, p. 118–122.

³⁸ Там же, p. 119.

³⁹ Trinidad, p. 119.

⁴⁰ Asahi Shinbun, 15.11.2000.

⁴¹ The Japan Times, 19.01.2002.

стимулировали Министерство экономики, торговли и промышленности принять так называемый «план зеленой помощи». Собственно говоря, эта инициатива лишь усилила тенденцию к экологическому уклону в японской ОПР, которая зародилась еще в 1990-е годы⁴². Уже в рамках 4-го пакета помощи (1996–2000 годы, разбит на две части) целых 16 процентов объема займов было предназначено на цели консервации окружающей среды, включая превращение трёх городов – Далянь, Чунцин и Гуйян – в «образцовые экологические города». С точки зрения национальных японских приоритетов, фокус на экологическое сотрудничество с Китаем является обоснованной и разумной политикой, особенно учитывая «желтые» кислотные дожди, идущие в сторону Японии из материкового Китая.

В течение некоторого времени китайские власти продолжали цепляться за японские льготные займы. Однако, с японских позиций с каждым годом ситуация выглядела все более абсурдной. Экономически Китай был достаточно богат, чтобы позволить себе дорогостоящие Олимпийские Игры 2008 г. и освоение космоса. С политической точки зрения было все труднее состыковать острую китайскую критику премьера Коидзуми за ритуальное посещение им храма Ясукуни (где покоятся души военных преступников) с требованиями Пекина продолжать экономическое сотрудничество. (За все годы пребывания у власти Коидзуми ни разу не был приглашен в Китай).

Осенью 2004 г. внешнеполитическое ведомство Японии сообщило о планах окончательного прекращения помощи Китаю (хотя и без точных сроков). Во избежание потери лица министр иностранных дел Китая, в свою очередь, опередил события и на саммите АСЕАН в Вьентiane дал знать, что его страна сможет обойтись без японской помощи и будет полагаться на собственные финансовые ресурсы⁴³. В марте 2005 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао обратился к своему японскому коллеге с призывом «хорошо закончить то, что хорошо началось», другими словами, призвал завершить многолетнее экономическое сотрудничество безболезненно, не создавая атмосферу скандала⁴⁴.

Япония, как видно, отнеслась к китайской просьбе с пониманием. В 2005 фин. году КНР получила последнюю крупную «инъекцию» (1 064 млн. долл.), после чего поток помощи резко пошел на убыль. К 2008 г. на повестке дня остались только гранты, связанные с экологией и энергосбережением. Кабинеты Демократической партии, пришедшей к власти в 2009 г., не стали реанимировать крупномасштабное сотрудничество с Китаем. Например, в 2010 г. через Банк международного сотрудниче-

ства было переведено только 56 млн. долл., т. е. мизерная сумма на фоне предыдущих миллиардных трансфертов. Более того, министр иностранных дел Маэхара Сэйдзи распорядился сократить даже эти незначительные платежи (хотя Япония продолжает выполнять свои обязательства в рамках существующих проектов)⁴⁵. Таким образом, тридцатилетняя история китайско-японского экономического сотрудничества завершилась.

Уточним причины весьма резкого обрыва правительством Японии государственного сотрудничества с Китаем в нынешнем веке. Если говорить о гуманитарном измерении, то уровень жизни в Китае не выше, чем, например, в Таиланде, которому японское правительство продолжает исправно выделять льготные займы и даже дары. Японское руководство не смогло внятно объяснить, почему оно перестало считать Китай развивающейся страной. Дело, очевидно, в другом.

В недавней работе японо-американского исследователя С. Катада говорится о том, что и два другие существующие толкования окончания ОПР Китаю – «реалистическое» и «неомеркантилистское» – могут быть справедливы только отчасти. Под «реалистическим» дискурсом имеется в виду осознание опасной конкуренции за место под солнцем со стороны Китая и даже его угрозы для экономической безопасности Японии. Мнение о том, что Япония, которая раньше своей помощью наращивала мощь своего опасного конкурента, а прекратив её, ослабит его продвижение вперед, согласно Катада, не отличается убедительностью. В сколь-либо длительной перспективе разрыв экономического сотрудничества между двумя странами не может помешать росту влияния самодостаточного Китая, а Японию приведет к утере хоть каких-то возможностей корректировать политическое поведение партнера.

Другое, «неомеркантилистское» объяснение разрыва японо-китайских связей по линии помощи, заключающееся в том, что она утратила свою привлекательность для японского частного капитала, выглядит тоже лишь частично правильным. Японские фирмы, инвестирующие в китайскую экономику, через помощь своего правительства Китаю могли бы и в дальнейшем получить дополнительные прибыли как подрядчики, если бы ОПР Китаю продолжалась.

Катада приходит к выводу о том, что наиболее важным фактором описанного развития событий послужила «смена модальностей» при планировании. Под этим термином он подразумевает, что при выработке политики применительно к Китаю (примерно с середины 1990-х годов и далее) правительству Японии приходилось по нарастающей учитывать мнение своего гражданского общества, которое всё более негативно относилось к финансовой поддержке Китая⁴⁶. Можно спорить о том, какой фактор из трех оказался более решающим, но оче-

⁴² См. *Hirono, Ryokichi*, Japan environmental cooperation with China during the last two decades // *Asia-Pacific Review*, т. 14, № 2, ноябрь 2007.

⁴³ *The Japan Times*, 29.11. 2004.

⁴⁴ *Drifte* (2006), p.110.

⁴⁵ *The Epoch Times*, 03.03.2011.

⁴⁶ *Katada*, 2012, p. 55.

видно, что они сложились вместе и привели к окончанию программ помощи Китаю в 2008 г. Сотрудничество могло закончиться годом раньше или годом позже, но, по-видимому, 2008 год был выбран Японией не случайно. За 44 года (в 1964 г.) до этого в Токио состоялись Олимпийские игры, и как раз к этому времени помощь Японии со стороны Запада была прекращена. По японской логике, проведение Олимпиады-2008 в Пекине знаменовало выход Китая из статуса реципиентов льготных займов⁴⁷.

Результаты японо-китайского экономического сотрудничества

Извлекла ли Япония ощутимую пользу от потраченных в Китае за тридцать лет 45 млрд. долл.? С экономической точки зрения – несомненно. Будучи незначительным торговым контрагентом в 1980-х годах, Китай по стоимости товарооборота к 2010 г. стал гораздо более важным торговым партнером (и как экспортер и как импортер товаров и услуг), чем Соединенные Штаты. Но, как отмечает британский исследователь М. Яхуда, «растущая экономическая взаимозависимость обеих стран не привела к соответственному улучшению отношений в иных сферах»⁴⁸.

С политических позиций, если целью была «покупка влияния» в Китае⁴⁹, ответ на вопрос о том, окупилась ли помощь, будет в основном отрицательным. На протяжении десятилетий Пекин предпочитал не поддерживать японские международные инициативы. Так, в Китае воспротивились японскому предложению создать «Азиатский валютный фонд» по следам Азиатского кризиса 1998–1999 годов. Стремясь не допустить роста морального влияния Японии, китайское руководство систематически бойкотировало японские претензии на место постоянного члена Совета безопасности ООН. В 2002 г., пятью годами раньше Японии (и за ее спиной) КНР заключила соглашение о свободной торговле с АСЕАН как с группировкой стран. Этим шагом Китай позиционировал себя в качестве прямого и опасного конкурента Японии в Юго-Восточной Азии, которая десятилетиями была наиболее опекаемым ею регионом. Перечень акций со стороны Китая, которые в Японии расценивались как недружелюбные, можно было бы продолжить. Япония получила урок в том смысле, что щедрые трансферты отнюдь не гарантируют дружеских или просто здоровых отношений со странами-реципиентами помощи.

Не менее важно и то, что финансовые потоки из Токио в Пекин не помогли Японии завоевать признательность или уважение также и на низовом уровне, среди китайского народа. Опросы общественного

мнения (как и личные беседы автора статьи с китайцами) неизменно показывали, что простые граждане КНР относятся, например, к Соединенным Штатам гораздо благосклоннее, чем к Японии, хотя Китай никогда не получал помощи от США. «Несправедливость» такого рода, естественно, вызывала чувство разочарования среди политиков и населения Японии.

Неспособность сделать ОПР козырной картой в отношениях с Китаем, конечно, частично объясняется ее восприятием на местах как заместителя военных репараций, как обязанности со стороны Японии. Японии не сумела заработать политический капитал на своей помощи также из-за отсутствия информации о ней в китайских СМИ, вследствие сокрытия ими этого явления как такового от собственного населения. Бывший японский посол в Пекине вспоминал, что не только китайский народ, но и сами лидеры страны не имели ни малейшего представления о том, в каких сферах расходовались фонды из Японии, поскольку таковые автоматически включались в бюджет и распределялись простыми чиновниками на рабочем уровне⁵⁰. Надо сказать, что замалчивание иностранного содействия относилось не только к Японии. В 2011 г., когда вслед за Японией правительства других развитых стран объявили о фактическом прекращении финансирования Китайской Народной Республики, в китайской прессе началась критика по этому поводу, которая, однако, была мало понятна китайскому населению, поскольку большинство ранее никогда и не слышало про иностранный вклад в развитие своей страны. Блоггеры в китайском Интернете спрашивали, почему про помощь начали упоминать только тогда, когда она прекратилась⁵¹.

Итак, комбинация таких факторов, как (1) жесткий контроль над поступлениями из Японии со стороны китайских бюрократов, (2) восприятие помощи как возмещения ущерба, нанесенного во время войны, (3) подавление информации об ОПР китайской пропагандой помешала японским субсидиям стать орудием политического влияния. Распространена точка зрения, что с уходом из Китая в качестве поставщика помощи Япония потеряла единственный канал влияния на эту страну. Возможно, это и справедливо, но в реальности Япония и ранее извлекала из нее немного политической пользы.

Тем не менее, в международном раскладе японская ОПР оказалась благоприятным фактором. Заслуживает внимания мнение профессора М. Иокитэ, который сравнил поведение Японии по отношению к Китаю с политическим поведением США на Ближнем и Среднем Востоке. Японский ученый пишет, что американское игнорирование реальных нужд народов региона, упор на военную составляющую помощи привели к полосе неудач, начиная от исламской революции в Иране (1979 г.),

⁴⁷ Drifte, 2006, p. 111.

⁴⁸ Yahuda, p. 328.

⁴⁹ См. Arase, David, Buying power: The political economy of Japan's foreign aid. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995.

⁵⁰ Asahi Evening News, 08.02.1999.

⁵¹ The Epoch Times, 03.03., 2011.

к трагедии 11 сентября 2001 г. и далее. Он утверждает, что в отличие от американского курса, японская дальновидная политика «вовлечения» (engagement) Китая средствами финансовой и технической помощи оказалась ключевым преимуществом для всего региона Восточной Азии и предотвратила возникновение крупных конфликтов в этой части земного шара⁵². В любом случае, позитивный вклад Японии в поддержание регионального мира и стабильности (при параллельном преследовании собственных интересов) нельзя недооценивать. Объективно Япония проделала важную международную работу.

На смену Китаю на роль главного получателя помощи из Токио пришла Индия, сопоставимая с КНР по численности населения, но гораздо более бедная по доходам на душу населения. В последние годы туда перекачивается по полмиллиарда и более долларов в год. Для этого имеются и экономические, и гуманитарные, и политические основания. В частности, известный теоретик и практик японской ОПП М. Араки, да и другие исследователи, рассматривают Индию как противовес китайской мощи. В будущем может случиться всякое, и помощь Индии, крупнейшей демократической стране мира, вполне вписывается в концепцию всеобъемлющей национальной безопасности Японии⁵³.

Важная глава в японо-китайских отношениях ушла в прошлое и стала историей. Жизнь ставит новые задачи и варианты их решений как перед Японией, так и перед Китаем. На повестку дня выдвинулось заключение соглашения о свободной торговле в каком-либо виде, будь то двусторонний пакт, соглашение в рамках треугольника Япония–Южная Корея–Китай или план Транстихокеанского партнерства (ТТП) – задача, вероятно более сложная, чем проблемы, которые возникали при реализации программ ОПП Китая.

Вместо заключения

Много лет назад, в 1950–1960-х годах, Япония оказалась в своеобразной ситуации, когда она была одновременно и реципиентом и донором иностранной помощи. В XXI веке Китайская Народная Республика повторила японский опыт. Всё еще цепляясь за льготные трансферты от Японии и стран западного блока, она сама быстро трансформировалась в крупного донора ОПП. Нарастив финансовое и техническое сотрудничество с развивающимся миром, Китай позиционировал себя как реальный конкурент Японии в смысле своей «мягкой силы» («soft power»). В 2008 г. на саммите «большой восьмерки» на Хоккайдо Председатель Ху Цзиньтао поведал другим мировым лидерам, что его страна оказывает экономическую поддержку в форме грантов, технического

содействия, бесплатных или низкопроцентных кредитов 160 развивающимся нациям, помогая им достичь выполнения «Целей развития тысячелетия»⁵⁴. В таком случае выходит, что количество стран-реципиентов китайской помощи близко к числу стран и территорий, которые были бенефициариями японской помощи на её пике (возможно, даже превосходит их). В плане объема помощи Китай, правда, пока еще заметно отстает от Японии. По Китаю нет достоверных статистических данных, но, например, по оценкам Центра глобального развития (Вашингтон), ежегодный объем помощи из Китая развивающимся странам колеблется в районе 2–3 млрд. долл. в год с потенциалом роста в недалеком будущем⁵⁵.

Так же, как было на ранней стадии японской помощи развивающемуся миру, китайские субсидии прокладывают КНР путь к прямым инвестициям, прежде всего, к инвестициям в добычу природных ресурсов. Однако, у Китая в этом смысле имеются существенная специфика и преимущества. Японским кабинетам обычно приходилось так или иначе координировать свои действия в сфере помощи с США и другими ведущими донорами, в особенности, когда дело касалось отношений с одиозными режимами. Они старались (хотя и не всегда успешно) не уронить свою репутацию поддержкой режимов, имеющих авторитарную сущность.

В отличие от Японии, правительству Китая нет необходимости оглядываться на международное общественное мнение или координировать свои действия с другими донорами хотя бы потому, что КНР не является членом ОЭСР. По понятным причинам нет также необходимости оглядываться и на собственные законодательные органы. Китай готов сотрудничать с любыми режимами, если это обеспечивает доступ к природным ресурсам. Авторитарным лидерам, в особенности в Африке, очень импонирует «нейтральная» позиция Китая, который, как писал белорусский исследователь С. Витковский, не занимается распространением своей идеологии, не морализирует о правах человека и не делит политические группы или движения за рубежом на «плохие» (тоталитарные) и «хорошие» (демократические)⁵⁶.

У Китая есть еще одна козырная карта при отношениях с развивающимся миром. Имеется в виду готовность направлять за рубеж не только финансовые, но также и людские ресурсы, причем, помимо специалистов, значительное количество строительных и других рабочих. Конечно, Япония также уделяла и уделяет серьезное внимание «техническому сотрудничеству», но отправляет в развивающийся мир, как пра-

⁵⁴ www.chinaembassy.ru (09.07.2008).

⁵⁵ www.cgdev.org/content/publications/detail/13953

⁵⁶ Витковский С. М. Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе, – Журнал международного права и международных отношений, 2008, № 4, с. 1.

⁵² Iokibe, Makoto, ODA as a foreign policy tool // Japan Review of International Affairs, т. 2, 2003.

⁵³ Araki, Mitsuya, The Japan ODA model that began life in Southeast Asia // Asia-Pacific Review, 2007, vol. 14, No. 2, p. 24.

вило, только специалистов. На этом фоне многочисленные китайские рабочие, техники и инженеры, работая бок о бок с местными трудящимися и будучи в постоянном контакте с ними, способствуют успеху «мягкой силы» Китая.

Благодаря своей политически нейтральной позиции и массовому присутствию китайских тружеников на местах, Китай быстро приобретает контроль над зарубежными природными ресурсами. Японии становится всё труднее конкурировать с КНР в этой сфере, особенно на Африканском континенте. Например, в 2009 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао пообещал африканским государствам колоссальную сумму в 10 млрд. долл. в виде беспроцентных или льготных займов в течение трех лет. В российской прессе даже появилось слово «Афроки-тай»⁵⁷. Помимо Африки, в наиболее бедных (по доходам на душу населения) государствах Юго-Восточной и Восточной Азии Китай также предстает мощным конкурентом Японии, когда речь идет о строительстве инфраструктуры или обучении местной рабочей силы различным специальностям.

Весьма вероятно, что на фоне упомянутых выше китайских преимуществ любые японские санкции против авторитарных режимов или «стран-изгоев» будут иметь результатом лишь ослабление дипломатических позиций Японии. Более того, проблема экспансии Китая «через помощь развитию» затрагивает не только Японию, но и других доноров из числа стран-членов ОЭСР. Как отмечала «Джапан таймс», им придется либо снизить планку моральных требований к странам-реципиентам, либо смириться с растущим «вовлечением» развивающихся наций Китайской Народной Республикой⁵⁸.

Влияние конфуцианских ценностей на японскую деловую этику

П. В. Кульнева

Отличительной особенностью культуры Японии является способность к заимствованию и преобразованию элементов внешней культуры. Проникшие в страну из соседних государств восточной Азии, в первую очередь из Китая, письменность, буддизм, чайная церемония, живопись подвергались определенной трансформации, накладываясь на уже сформировавшиеся исконно японские традиции¹. То же самое можно сказать и о конфуцианстве.

И зарубежные (напр., Р. Бенедикт), и отечественные (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян и др.) исследователи сходятся во мнении, что заимствования не вытесняли существующие традиции, а лишь поднимали их на новый, более высокий уровень. Так, в японском бизнесе можно заметить сильное влияние конфуцианских ценностей, которые, удачно интегрировавшись в деловую культуру страны, сделали ее уникальной и достаточно жизнеспособной системой. Существуют даже теории, согласно которым страны Восточной Азии обязаны своими экономическими достижениями именно конфуцианству².

Современная японская система предпринимательства начала формироваться после реставрации Мэйдзи, а многие явления, характеризующие эту систему в наши дни, окончательно сложились после Второй мировой войны³. Оказавшее заметное влияние на эту систему учение Конфуция проникло в страну около полутора тысяч лет назад и за период своего развития в японской среде, безусловно, претерпевало определенные изменения.

Обратимся сначала к основополагающим ценностям конфуцианства. Как известно, начало конфуцианской системе этико-политических учений было положено древнекитайским мыслителем Конфуцием (Кун-Цзы) еще в VI в. до н. э. Идеи учителя получили развитие в трудах его многочисленных учеников и последователей не только в Китае, но и в других

¹ См. Герасимова М. П. Механизм заимствований в японской культуре // Япония. Ежегодник, 2010.

² См., например, Hofstede & Bond (1988). The Confucious Connection: from Cultural Roots to Economic Growth. *Organizational Dynamics*, 16(4): 4-21; Wang Jinguo, et.al (2000). The Role of Confucian Values in East Asian Development: Before and After the Financial Crisis. *Journal of International and Area Studies*, vol. 7, No. 1: 115-135.

³ Матрусова Т. Н. Формирование современной системы управления персоналом в Японии // Япония: опыт модернизации. М., 2011, с. 167.

⁵⁷ См. «Коммерсант-Власть», 16.11.2009, № 45.

⁵⁸ The Japan Times, 25.12.2008.